

Никогда Никогда

Автор:

[Таррин Гувер](#)

Никогда Никогда

Колин Гувер

Таррин Фишер

Никогда Никогда #1

Потерять память – что может быть хуже? Чарли и Сайлас приходят в себя в школе. Они в шоке, но пытаются разобраться в случившемся. Что произошло и почему они ничего не помнят? От страха мысли путаются, но память не так слаба, как казалось изначально. Постепенно картина начинает проясняться. Вот только правда, которую они так жаждут узнать, понравится не всем.

Колин Гувер, Таррин Фишер

Никогда Никогда

Colleen Hoover

NEVER NEVER

Copyright © 2015 by Colleen Hoover and Tarryn Fisher

© А. Харченко, перевод на русский язык, 2018

* * *

Они были лучшими друзьями еще с пеленок. Влюбленной парой – с четырнадцати лет. Но этим утром они друг с другом незнакомы. Он пойдет на все, чтобы вспомнить. Она пойдет на все, чтобы забыть.

Книга посвящается всем, кроме Сандей Коллетти.

1. Чарли

Грохот. Книги падают на грязный линолеум, вертятся, проезжают пару метров и останавливаются у ног. Моих ног. Я не узнаю черные сандалии, красные ногти, но они двигаются по моему велению, а значит, принадлежат мне. Верно?

Пронзительный звонок.

Я подпрыгиваю с колотящимся сердцем. Перевожу взгляд слева направо, осматривая местность и пытаюсь не выдать себя.

Что это был за звонок?

Где я?

В кабинет, болтая и посмеиваясь, быстро заходят дети с рюкзаками на плечах. Ага, значит, школьный звонок. Они садятся за парты, перекрикивая друг друга. Краем глаза замечаю какое-то движение у своих ног и вздрагиваю от удивления. Кто-то наклонился, чтобы собрать книги с пола; покрасневшая девочка в очках. Прежде чем встать, она смотрит на меня с намеком на страх, а затем быстро ретируется. Ученики смеются. Я оглядываюсь, подумав, что они

насмеваются надо мной, но нет – над девочкой в очках.

– Чарли! – кричит кто-то. – Ты это видела? – А затем: – Чарли... в чем дело... эй...

Сердце выбивается из груди.

Где я? Почему ничего не помню?

– Чарли! – шипит кто-то. Я кручу головой.

Кто эта Чарли? Которая из них?

Детей так много: блондины, шатены, с гнездом на голове, в очках, без очков...

В кабинет заходит мужчина с портфелем и ставит его на стол.

Учитель. Я в кабинете, а это учитель. Интересно, школа или колледж?

Резко встаю. Я куда-то не туда попала. Все сидят, но я стою... иду.

– Куда вы собрались, мисс Винвуд? – Преподаватель смотрит на меня поверх очков, копаясь в стопке бумаг. Затем кладет их на стол с такой силой, что я подпрыгиваю. Должно быть, я и есть мисс Винвуд.

– У нее спазмы! – кричит кто-то из учеников. Остальные прыскают от смеха. Я чувствую, как по спине и рукам пробегают мурашки. Дети смеются надо мной, вот только я понятия не имею, кто эти люди.

– Заткнись, Майкл, – осаждает парня какая-то девушка.

– Я не знаю, – отвечаю я, впервые слыша свой голос. Он слишком писклявый. Прочищаю горло и пробую снова: – Я не знаю. Я не должна здесь находиться.

Смех возрастает. Я окидываю взглядом плакаты на стенах, лица президентов с датами под ними. Кабинет истории? Значит, все-таки школа.

Мужчина – учитель – наклоняет голову вбок, будто я ляпнула что-то глупое.

– И где же еще вы должны находиться в день теста?

– Я... не знаю.

– Садитесь, – отчеканивает он. Я все равно не знаю, куда бы направилась, если бы ушла. Разворачиваюсь и возвращаюсь на место. Девочка в очках поднимает глаза, когда я прохожу мимо, и тут же их отводит.

Стоит мне сесть, как учитель начинает раздавать бумаги. Он ходит между партами, монотонно рассказывая, сколько процентов от финальной оценки займет тест. Дойдя до меня, он замирает, между его бровями появляется глубокая морщинка.

– Не знаю, чего вы пытались добиться, – тычет мясистым пальцем в мою парту. – Но с меня хватит! Еще одна выходка, и я отправлю вас к директору. – Он громко кладет передо мной тест и переходит к следующему ученику.

Я не киваю, никак не реагирую. Просто пытаюсь решить, что делать дальше. Объявить всей комнате, что я не имею ни малейшего понятия, кто я и где... или отвести его в сторонку и сказать правду на ушко? Но он четко дал понять, что больше не будет терпеть мои выходки. Я опускаю взгляд на бумаги перед собой. Остальные уже склонились над тестом и яростно что-то пишут карандашами.

ЧЕТВЕРТЫЙ УРОК

ИСТОРИЯ

МИСТЕР ДАЛКОТТ

Чуть ниже нужно вписать имя. Свое, естественно, но я не знаю, как меня зовут. «Мисс Винвуд» – так он меня называл.

Почему я не помню собственного имени?

Или где я?

Или кто я?

Все склонили головы над тестом, кроме меня. А я все так же сижу и смотрю перед собой. Мистер Далкотт прожигает меня взглядом из-за своего стола. Чем дольше я сижу, тем пунцовее его лицо.

Время идет, но мой мир остановился. В конце концов преподаватель встает и уже открывает рот, чтобы высказаться, но тут звенит звонок.

– При выходе положите тест на мой стол, – говорит он, не сводя с меня глаз.

Остальные ученики спешно исчезают за дверь. Я встаю и следую за ними, так как не знаю, что еще делать. Опускаю взгляд в пол, но все равно чувствую ярость мистера Далкотта. Не понимаю, почему он так злится. Я выхожу в коридор, обрамленный по обеим сторонам рядами голубых шкафчиков.

– Чарли! – кричит кто-то. – Чарли, подожди!

Секундой позже меня берут за руку. Я ожидаю увидеть девочку в очках; сама не знаю почему. Но нет. Зато теперь я знаю, что меня зовут Чарли. Чарли Винвуд.

– Ты забыла кое-что, – говорит девушка, вручая мне белый рюкзачок. Я забираю его, гадая, лежат ли внутри кошелек и водительские права. Незнакомка продолжает цепляться за мою руку; так мы и идем. Она ниже меня, с длинными темными волосами и блестящими карими глазами на пол-лица. Прекрасная и потрясающая.

– Чего ты так странно вела себя на уроке? – спрашивает она. – Спихнула книги Креветки на пол, а затем и вовсе отключилась.

Я чувствую запах ее духов; знакомый и слишком приторный, как аромат миллиона цветов, борющихся за внимание. Вспоминаю девочку в очках, выражение ее лица, когда она нагнулась за книгами. Если это сделала я, то почему ничего не помню?

– Я...

– Сейчас время обеда, ты куда идешь?

Она тянет меня в другой коридор, мимо моря учеников. Все смотрят на меня... как бы исподтишка. Мне любопытно, знают ли они меня, и почему я не знаю себя. Сама не понимаю, почему не говорю ей или мистеру Далкотту правду, не хватаю мимо проходящего человека и не признаюсь, что понятия не имею, кто я и где я. К тому моменту, как я начинаю всерьез обдумывать эту идею, мы проходим через двойные двери в кафетерий. Шум и цвет; тела с уникальными запахами, яркие флуоресцентные лампы, которые никого не красят. Боже. Я сжимаю свою футболку в кулаки.

Девушка, идущая со мной под руку, не замолкает. Эндрю то, Марси сё. Ей нравится Эндрю, и она ненавидит Марси. Кто эти люди? Она подводит меня к очереди за едой. Мы берем салат и диетическую колу. Затем ставим подносы на стол. За ним уже сидят четыре мальчика и две девочки. Мы замыкаем группу, итого поровну. Каждой девушке по парню. Все смотрят на меня с ожиданием, словно я должна толкнуть речь или нечто подобное. Единственное свободное место – рядом с темноволосым парнем. Я медленно присаживаюсь, упираясь руками в стол. Он косится на меня, а затем склоняется над своим подносом. Я замечаю крошечные капельки пота на его лбу, прямо под волосами.

– Вы иногда такие забавные, – говорит блондинка напротив, переводя взгляд с меня на моего соседа. Тот отрывается от своих макарон, и я понимаю, что он просто размазывает еду по тарелке. Парень не съел ни кусочка, несмотря на занятой вид. Он смотрит на меня, я – на него, а затем мы оба переводим взгляд на блондинку.

– Между вами что-то произошло, о чем нам стоит знать?

– Нет, – отвечаем мы в унисон.

Он – мой парень. Это понятно из того, как к нам относятся. Внезапно он сверкает белоснежной улыбкой и кладет руку мне на плечи.

– У нас все хорошо, – говорит он, слегка пожимая мне предплечье.

Я автоматически напрягаюсь, но, почувствовав на себе взгляд шести пар глаз, отклоняюсь и подыгрываю ему. Как же страшно не знать, кто ты такой – а еще страшнее сделать неправильные выводы. Вот теперь я и вправду напугана. Все зашло слишком далеко. Если что-то скажу, то покажусь... сумасшедшей. Его проявление любви, похоже, всех успокаивает. Всех, кроме... него. Остальные продолжают беседу, но все их слова сливаются в единый поток: футбол, вечеринка, снова футбол. Мой парень смеется и поддерживает разговор, не убирая руку с моих плеч. Они зовут его Сайласом. Меня – Чарли. Темноволосая девушка с большими глазами – Анника. Все остальные имена поглотил шум.

Наконец обед подходит к завершению, и мы встаем. Я иду рядом с Сайласом, или, скорее, он рядом со мной. Понятия не имею, куда направляюсь. Анника встает по другой бок, переплетая со мной руки, и щебечет о тренировке группы поддержки. У меня уже клаустрофобия развилась от этой девушки! Когда мы доходим до разветвления в коридоре, я наклоняюсь к ней и шепчу на ухо:

– Можешь отвести меня на следующий урок?

Ее лицо становится серьезным. Она отходит, чтобы сказать что-то своему парню, а затем снова берет меня под руку.

Я поворачиваюсь к Сайласу:

– Анника проведет меня на следующий урок.

– Хорошо. – похоже, он чувствует облегчение. – Увидимся... позже. – С этим он уходит в противоположную сторону.

Как только он скрывается из виду, Анника поворачивается ко мне:

– Куда это он?

– На занятие, – я пожимаю плечами.

Она недоуменно качает головой:

– Я вас совсем не понимаю. То вы отлепиться друг от друга не можете, то ведете себе так, будто вам трудно находиться в одной комнате! Тебе пора бы принять решение насчет него, Чарли.

Она замирает у двери в кабинет.

– Это мой... – говорю я, чтобы проверить, заспорит ли она. Но нет.

– Позвони мне позже, – просит Анника. – Я хочу узнать все подробности о прошлой ночи.

Я киваю. Когда она исчезает в море лиц, захожу в кабинет. Не знаю, где сесть, потому неторопливо бреду к заднему ряду и занимаю место у окна. Я пришла рано, так что решаю покопаться у себя в рюкзаке. Между парой блокнотов и косметичкой зажат кошелек. Достая его и обнаруживаю водительские права с фотографией улыбающейся темноволосой девушки. Со мной.

ШАРЛИЗ МАРГАРЕТ ВИНВУД.

2417 ГОЛКОРТ-ВЭЙ,

НОВЫЙ ОРЛЕАН, ЛА.

Мне семнадцать. Мой день рождения двадцать первого марта. Я живу в Луизиане.

Я изучаю фотографию в левом верхнем углу и не узнаю лица. Оно мое, но я никогда не видела его прежде. Я... симпатичная. И у меня при себе всего двадцать восемь долларов.

Люди постепенно рассаживаются, но стул рядом со мной остается пустым, словно все остальные боятся его занимать. Сейчас будет занятие по испанскому языку. Учительница красивая и молодая; ее зовут миссис Кардона. В отличие от многих других, она не смотрит на меня с ненавистью. Мы начинаем со времен.

У меня нет прошлого.

У меня нет прошлого.

Спустя пять минут дверь в кабинет распахивается. Заходит Сайлас, потупив взор. Наверное, он пришел, чтобы что-то мне сказать или принести. Морально готовлюсь притворяться, но миссис Кардона отпускает шутку насчет его опоздания. Он занимает единственное свободное место рядом со мной и смотрит вперед. Я – на него, и не перестаю пялиться, пока парень наконец не поворачивается ко мне. По его виску стекает капелька пота.

Его глаза широко распахнуты.

Прямо как мои.

2. Сайлас

Три часа.

Прошло почти три часа, а мой разум все еще во мгле.

Нет, не во мгле. Даже не в густом тумане. Впечатление, будто я брожу по комнате в кромешной тьме, пытаюсь найти выключатель.

– Ты в порядке? – спрашивает Чарли. Я смотрел на нее с пару секунд, пытаюсь найти хоть что-то знакомое в лице, которое должно быть для меня чуть ли не родным.

Безуспешно.

Она опускает взгляд на парту, и ее густые черные волосы падают завесой между нами. Мне хочется получше ее рассмотреть. Зацепиться хоть за что-то знакомое. Я хочу знать о ее родинке или пятнышке на коже до того, как увижу их, поскольку нуждаюсь хоть в чем-то узнаваемом. Я готов ухватиться за любую ее

частичку, которая убедит, что я не схожу с ума.

Наконец она поднимает руку и заправляет волосы за ухо. Затем смотрит на меня большими и совершенно незнакомыми глазами. Морщинка между ее бровями углубляется, и девушка начинает покусывать палец.

Она волнуется за меня. Или за нас.

Нас.

Мне хочется спросить, знает ли она, что со мной произошло, но это может ее напугать. Как объяснить, что она для меня незнакомка? Как вообще такое кому-либо объяснить? Последние три часа я пытался вести себя естественно. Сперва я был убежден, что принял какой-то запрещенный препарат, из-за которого потерял сознание, но тут проблема в другом. Я не накурен и не пьян, хоть и не имею ни малейшего понятия, откуда я это знаю. Я не помню ничего, что было до трех часов.

– Эй! – Чарли тянет руку, будто собирается меня коснуться, но потом быстро ее убирает. – С тобой все нормально?

Я вытираю влажный лоб рукавом. Когда Чарли снова бросает на меня взгляд, вижу беспокойство в ее глазах. Выдавливаю улыбку.

– Все нормально, – бормочу я. – Просто долгая ночь.

Как только слова слетают с моих губ, я съеживаюсь. Кто его знает, какая ночка у меня выдалась. Если я действительно встречаюсь с девушкой напротив, тогда подобные слова вряд ли ее успокоят.

Ее глаз подергивается, и она наклоняет голову:

– И почему же она была долгой?

Черт.

– Сайлас! – голос доносится с передней части кабинета. Я поднимаю голову. – Хватит болтать.

Учительница возвращается к своим указаниям, не заботясь о моей реакции на ее замечание. Я быстро кошусь на Чарли и тут же опускаю взгляд в парту. Обвожу пальцами имена, вырезанные на дереве. Женщина продолжает смотреть на меня, но я ее игнорирую. Переворачиваю ладонь и провожу двумя пальцами по мозолям.

Я работаю? Зарабатываю на жизнь стрижкой газонов?

Может, это от футбола. Во время обеда я решил воспользоваться моментом и внимательно изучить окружающих людей. Я узнал, что сегодня днем у меня тренировка по футболу. Понятия не имею, где и когда, но мне же как-то удалось прожить с этим незнанием последнюю пару часов. Может, сейчас я и лишен воспоминаний, но, как оказалось, я хорошо умею притворяться. Даже слишком.

Переворачиваю вторую ладонь и обнаруживаю те же грубые мозоли.

Может, я живу на ферме...

Нет. Не живу.

Бог его знает, откуда мне это известно, но, даже без возможности обратиться к памяти, у меня имеется мгновенное чутье на то, какие из моих предположений верны, а какие нет. Возможно, это просто метод исключения, а не интуиция или воспоминания. К примеру, я сомневаюсь, что кто-то живущий на ферме мог бы себе позволить так одеваться. А на мне хорошая одежда. Стильная? Судя по обуви, если бы кто-то спросил, богатые ли у меня родители, я бы ответил положительно. Хотя и не помню их.

Я не знаю, где живу, с кем живу, похож ли на маму или на отца.

Я даже не знаю, как я выгляжу!

Резко встаю, громко отодвигая парту на пару сантиметров. Все ученики оборачиваются ко мне, не считая Чарли – она и так пялилась на меня с той

секунды, как я сел рядом. В ее глазах нет ни любопытства, ни доброты.

Лишь осуждение.

Учительница прожигает меня взглядом, но не выглядит удивленной, что все переключили свое внимание с нее. Она просто услужливо стоит, ожидая, когда я объявлю причину столь внезапному нарушению дисциплины.

Я сглатываю.

– Туалет. – Мои губы липкие. Во рту сухо. В голове суматоха. Я не дожидаясь разрешения и решительно иду к выходу. Чувствую на себе взгляды учеников, проходя через дверь.

Поворачиваю направо и дохожу до конца коридора, так и не найдя уборную. Возвращаюсь назад, пробегаю мимо кабинета и за углом обнаруживаю туалет. Открываю дверь, надеясь на пару минут в уединении, но кто-то уже стоит спиной ко мне у писсуара. Я поворачиваюсь к раковине, но не смотрю в зеркало. Потупив взгляд, впиваюсь в бортики раковины и крепко сжимаю их. Делаю глубокий вдох.

Если посмотрю на себя, мое отражение может спровоцировать память или хотя бы вызвать крошечное чувство узнавания. Что-нибудь. Что угодно.

Парень, стоявший у писсуара секунду назад, теперь замер рядом со мной, прислонившись к раковине и сложив руки на груди. Оглянувшись, я замечаю его сердитый взгляд. Его волосы такие светлые, что кажутся белыми. Кожа бледная и ассоциируется у меня с медузой. Почти прозрачная.

Я помню, как выглядит медуза, но понятия не имею, что обнаружу, посмотрев на себя в зеркало.

– Дерьмово выглядишь, Нэш, – ухмыляется он.

Нэш?

Все остальные звали меня Сайласом. Должно быть, Нэш – моя фамилия. Я бы глянул в бумажник, да его нет в кармане. Только пачка денег. Бумажник я поискал первым делом, после того как... ну, как это случилось.

– Неважно себя чувствую, – бубню я в ответ.

Парень молчит с пару секунд. Просто смотрит на меня с тем же выражением, с каким смотрела Чарли в кабинете, но без тревоги и с куда большим удовлетворением. Затем ухмыляется и отталкивается от раковины. Даже выпрямившись, он все равно на пару сантиметров ниже меня. Незнакомец приближается ко мне вплотную, и, судя по его взгляду, отнюдь не из-за беспокойства о моем здоровье.

– Мы так и не уладили наш вопрос с пятницы, – говорит он. – Ты поэтому здесь? – Его ноздри раздуваются, руки напрягаются, кулаки дважды сжимаются и разжимаются.

С пару секунд я веду с собой мысленный спор, прекрасно понимая, что если отступлю, то буду выглядеть трусом. Тем не менее я также понимаю, что если начну наступать на него, то тем самым брошу ему вызов, а мне не хочется сейчас с этим разбираться. У него определенно какие-то проблемы со мной. Что бы я ни натворил в пятницу, это сильно его взбесило.

Я нахожу компромисс и никак не реагирую. Делаю непринужденный вид.

Затем лениво перевожу взгляд на раковину и поворачиваю кран, включая воду.

– Разберемся на поле, – говорю я. И тут же хочу забрать слова назад. Как-то не подумал, что он может и не играть в футбол. Мое предположение основывалось на его телосложении, но если оно ошибочно, мой комментарий не имеет смысла. Я задерживаю дыхание, ожидая, когда он меня исправит или выведет на чистую воду.

Но этого не происходит.

Он смотрит в зеркало какое-то время, а затем проталкивается к выходу, намеренно врезаясь в меня по пути. Я черпаю воду и делаю глоток. Вытираю рот

тыльной стороной ладони и поднимаю взгляд. На себя.

На Сайласа Нэша.

Что это вообще за имя такое?!

Я равнодушно пялюсь на незнакомую пару темных глаз. Впечатление, будто я никогда не видел их прежде, несмотря на факт, что, скорее всего, регулярно смотрел в эти глаза с тех пор, как дорос до зеркала.

Человек в отражении мне так же знаком, как девушка, с которой – по словам какого-то парня по имени Эндрю – я «перепихиваюсь» уже два года.

Человек в отражении мне так же знаком, как каждый аспект моей жизни.

Следовательно, вообще не знаком.

– Кто ты? – шепчу я ему.

Дверь в туалет медленно открывается, и я оглядываюсь. Появляется чья-то рука. Я узнаю блестящий красный лак на кончиках пальцев. Девушка, с которой я «перепихиваюсь» уже два года.

– Сайлас?

Когда она просовывается внутрь, я выпрямляюсь и поворачиваюсь к двери. Наши взгляды встречаются на пару секунд. Затем она осматривает туалет.

– Здесь только я.

Чарли кивает и, несмотря на свою неуверенность, проходит в уборную. Хотел бы я знать, как ее убедить, что все в порядке, не вызывая подозрений. А еще вспомнить наши отношения, потому что мне хочется ей рассказать. Мне нужно ей рассказать правду. Чтобы знал кто-то еще; чтобы я мог задавать вопросы.

Но как парень может сказать своей девушке, что понятия не имеет, кто она такая? Не говоря уж о том, кто он сам такой?

Никак. Он должен притворяться, как со всеми остальными.

В ее глазах витают сотни незадаанных вопросов, и мне тут же хочется избежать их всех разом.

– Я в порядке, Чарли, – улыбаюсь, как и должен. – Просто неважно себя чувствую. Возвращайся на урок.

Она не шевелится.

И не улыбается.

Чарли продолжает твердо стоять на месте, игнорируя мои указания. Она напоминает мне одного из животных на пружинке, на которых дети катаются на площадках. Ты толкаешь, а они возвращаются с удвоенной силой. Мне кажется, если бы кто-то толкнул ее за плечи, она бы отклонилась, затем вернулась в первоначальное положение и по инерции толкнула бы в ответ.

Не помню, как называются эти штуки, но делаю мысленную заметку, что их образ вертится в голове. Я сделал много подобных заметок за последние три часа.

Я старшеклассник.

Меня зовут Сайлас.

Возможно, Нэш – моя фамилия.

Мою девушку зовут Чарли.

Я играю в футбол.

Я знаю, как выглядит медуза.

Чарли наклоняет голову, и ее губы слегка подергиваются в улыбке. Затем они приоткрываются, и на мгновение я слышу лишь ее нервное дыхание. Когда она наконец формирует фразу, мне хочется спрятаться. Попросить ее закрыть глаза и досчитать до двадцати, чтобы я мог убежать и не слышать ее вопроса.

– Какая у меня фамилия, Сайлас?

Ее голос как дым. Мягкий, тонкий и испаряющийся.

То ли у нее отличная интуиция, то ли у меня ужасно выходит скрывать тот факт, что я ничего не знаю. На мгновение я задумываюсь, а не рассказать ли ей правду? Если она мне поверит, то сможет ответить на многие вопросы. Но если нет...

– Детка, – беспечно смеюсь. Я вообще называю ее деткой? – Что за вопросы такие?

Она перестает опираться на ногу, которая, как я думал, приросла к полу, и делает шаг вперед. Затем еще один. Чарли продолжает приближаться, пока не оказывается в шаге от меня; достаточно близко, чтобы я мог учуять ее запах.

Лилии.

От нее пахнет лилиями, и я понятия не имею, почему знаю, как они пахнут, но при этом не помню человека перед собой.

Ее глаза ни на секунду не отрываются от моих.

– Сайлас, какая у меня фамилия?

Желваки на моем лице нервно работают, а затем я снова поворачиваюсь лицом к раковине. Наклоняюсь и крепко хватаю ее двумя руками. Медленно поднимаю голову, пока не встречаюсь со взглядом Чарли в зеркале.

– Твоя фамилия? – Во рту снова сухо, и мой голос звучит хрипло.

Чарли ждет.

Я смотрю в глаза незнакомого парня в зеркале.

– Я... я не помню.

Ее отражение исчезает, за чем следует громкий шмяк. Напоминает мне о звуке на рынке Пайкс, когда торговцы кидают рыбу и ловят ее в вощеную бумагу.

Шмяк!

Я поворачиваюсь и обнаруживаю ее лежащей на кафельном полу с закрытыми глазами и вытянутыми руками. Тут же сажусь рядом и поднимаю ей голову, но стоит мне это сделать, как ее веки начинают трепетать.

– Чарли?

Она резко втягивает воздух и садится. Затем вырывается из моей хватки и отталкивает меня, будто боится. Я все равно держусь поблизости, на случай, если она попытается встать, но не тут-то было. Чарли остается на полу, прижав ладони к плитке.

– Ты потеряла сознание.

– Я в курсе, – хмурится она.

Я молчу. Наверное, мне стоило бы знать, что значат эмоции на ее лице. Но я понятия не имею, напугана она, зла или...

– Я запуталась, – говорит девушка, качая головой. – Я... можешь... – она замолкает, а затем пытается встать. Я встаю вместе с ней, но вижу, что ей это не нравится, судя по суровому взгляду на мои приподнятые руки, готовые подхватить ее в случае очередного обморока.

Чарли отходит от меня на два шага и обхватывает себя рукой на уровне груди. Затем начинает пожевывать большой палец второй руки. Тихо изучает меня с мгновение, после чего достает палец изо рта и сжимает ладонь в кулак.

– Ты не знал, что у нас общее занятие после обеда. – в ее голосе слышится намек на осуждение. – И не знаешь мою фамилию.

Я качаю головой, признавая два неоспоримых факта.

– Что ты помнишь? – спрашивает она.

Чарли напугана. Взволнована. Подозрительна. Наши эмоции похожи, и тут до меня доходит.

Она может казаться незнакомкой. Я могу казаться незнакомцем. Но наши действия – и поведение – абсолютно одинаковы.

– Что я помню? – повторяю я в попытке потянуть время на пару секунд и найти подтверждение своим подозрениям.

Она ждет ответа.

– Историю. – Я пытаюсь вспомнить все, что в моих силах. – Книги. Я видел, как девочка уронила книги. – Хватаю себя за шею ижимаю ее.

– О боже... – Она делает быстрый шаг в мою сторону. – Это... это первое, что я помню!

Сердце подскакивает до горла.

Чарли качает головой:

– Мне это не нравится. Бред какой-то. – Она кажется такой спокойной; я куда более взволнован. У нее уверенный голос. Я вижу страх лишь в ее глазах. Бездумно притягиваю ее к себе, но больше ради собственного облегчения, чем из попытки успокоить ее. Она не вырывается. Интересно, нормально ли это для нас? Были ли мы влюблены?

Я обнимаю ее крепче, пока не чувствую, как она напрягается.

– Нам нужно с этим разобраться, – говорит Чарли, отходя от меня.

Мой первый инстинкт – сказать ей, что все будет хорошо, что я со всем разберусь. Меня охватывает всеобъемлющее желание защитить ее, только я понятия не имею, как это сделать, когда мы оба сталкиваемся с одной и той же реальностью.

Звенит звонок, оповещающий о конце испанского. Через пару секунд туалет наверняка наполнится людьми. Захлопают дверцы шкафчиков. Нам придется узнать, какой урок идет дальше по расписанию. Я беру Чарли за руку и тяну за собой, открывая дверь из уборной.

– Куда мы? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами:

– Без понятия. Я просто хочу уйти.

3. Чарли

Этот парень – Сайлас – берет меня за руку, будто давнюю знакомую, и тащит за собой, как маленького ребенка. Так я себя и чувствую – маленькой девочкой в большом-пребольшом мире. Я ничего не понимаю и уж точно ничего не узнаю. Пока он ведет меня по низким коридорам какой-то неизвестной школы, я могу думать только о своем обмороке: рухнула, как девица в бедственном положении! Да еще и на полу в мужском туалете. Мерзость какая! Я пересматриваю свои приоритеты, диву даваясь, как можно думать о таких мелочах, когда у нас определенно есть проблемы и посерьезней. Мы выходим на солнце, и я прикрываю глаза свободной рукой, пока Сайлас нервно достает ключи из заднего кармана. Затем поднимает их над головой и делает ими круг, нажимая кнопку сигнализации на брелоке. Из дальнего угла парковки доносится вой сирены.

Мы бежим на звук, шлепая обувью по бетонному полу, будто за нами гонятся по пятам. Возможно, так и есть. Машина оказывается джипом. Впечатляет,

учитывая, что она возвышается над остальными автомобилями, делая их мелкими и незначительными. «Лэнд Ровер». Либо Сайлас катается на машине отца, либо купается в его деньгах. А может, у него и нет отца. Он все равно не сможет мне сказать. Откуда я вообще знаю, сколько стоит такая машина? Я помню, как все устроено: машины, правила дорожного движения, президентов, но не кто я такая.

Он открывает передо мной дверь, оглядываясь на школу, и я сажусь с твердым ощущением, что меня разыгрывают. Вдруг он ответственен за происходящее? Например, дал мне что-то, из-за чего я временно потеряла память, а теперь ведет свою игру.

– Это по-настоящему? – спрашиваю я, замерев над передним сиденьем. – Ты не знаешь, кто ты?

– Не знаю.

Я ему верю. Частично. Устраиваюсь удобнее на сиденье.

Сайлас еще с секунду всматривается мне в глаза, а затем захлопывает дверцу и идет к водительскому месту. Я пожевываю палец, пока он залезает внутрь и, нажав кнопку, заводит машину.

– Откуда ты знаешь, как это делается? – спрашиваю я.

– Что?

– Как завести машину без ключа.

– Я... не знаю.

Я наблюдаю за его лицом, пока мы выезжаем с парковки. Он часто моргает, еще раз на меня косится и облизывает нижнюю губу. Остановившись на светофоре, находит кнопку «ДОМ» на навигаторе и нажимает ее. Поразительно, что он до такого додумался.

– Изменения в маршруте, – говорит женский голос. Мне хочется психануть, выпрыгнуть из едущей машины и бежать, как испуганный олень. Как же мне страшно...

У него большой дом. Во дворе нет машин; двигатель тихо урчит, пока мы ждем у тротуара.

– Ты уверен, что это твой? – спрашиваю я.

Парень пожимает плечами.

– Не похоже, что дома кто-то есть. Пойдем?

Я киваю. Я проголодалась, хотя и не должна была. Мне хочется зайти внутрь и что-нибудь съесть, может, изучить наши симптомы и проверить, не могли ли мы случайно вступить в контакт с какой-то пожирающей мозг бактерией, похитившей нашу память. В таком доме обязательно должно быть несколько ноутбуков. Сайлас сворачивает во двор и паркуется. Мы робко выходим, оглядываясь на кусты и деревья, будто они вот-вот возьмут и оживут. Он находит ключи от двери. Я изучаю его, пока жду позади. С такой одеждой и прической он похож на крутого беззаботного парня, но его поза выдает, что ему отнюдь не весело. От него также пахнет улицей: травой, сосной и насыщенным грунтовым ароматом. Сайлас собирается повернуть ручку.

– Стой!

Он медленно оборачивается, несмотря на мой повышенный тон.

– Что, если внутри кто-то есть?

Парень ухмыляется или, возможно, гримасничает.

– Может, хоть они нам расскажут, что происходит...

Тогда мы заходим. Замираем на минуту, оглядывая помещение. Я прячусь за Сайласом, как трусиха. Мне не холодно, но я дрожу. Все здесь такое

внушительное и тяжелое – мебель, воздух, мой рюкзак, мертвым грузом висящий на плече. Сайлас проходит вперед. Я хватаюсь за его рубашку, и мы переходим из прихожей в гостиную. Так и бродим по комнатам, останавливаясь, чтобы изучить фотографии на стенах. Двое улыбающихся загорелых родителей обнимают двух улыбающихся темноволосых мальчишек – на заднем плане журчит океан.

– У тебя есть младший брат, – говорю я. – Ты знал об этом?

Он качает головой. Чем старше на фотографиях братья, тем реже улыбаются. У них полно прыщей и пластинки на зубах, а родители перестарались в попытке изобразить радостный вид, прижимая к себе напряженных деток. Мы переходим в спальни, затем в ванные комнаты. Рассматриваем книги, читаем этикетки на коричневых пузырьках из аптечки. Его мама украсила интерьер засушенными цветами; они вжаты между книгами на ее тумбочке, в комоде и выставлены на полках в родительской спальне. Я касаюсь каждого цветка, нашептывая под нос названия. Я помню их все. По какой-то причине это вызывает у меня хохот. Сайлас резко останавливается, зайдя в комнату мамы с папой и обнаружив меня согнувшейся от смеха.

– Прости. Так, нахлынуло...

– Что нахлынуло?

– Я вдруг поняла, что забыла абсолютно все о себе, но помню, как выглядит гиацинт.

Он кивает:

– Да. – Затем смотрит на свои руки и морщит лоб. – Думаешь, нам стоит кому-нибудь рассказать? Может, поехать в больницу?

– Думаешь, нам поверят? – спрашиваю я. Мы смотрим друг на друга с мгновение. Я подавляю желание вновь поинтересоваться, не шутит ли он надо мной. Это не прикол. Слишком уж все реально.

Дальше мы перемещаемся в кабинет отца и начинаем копаться в бумагах и рыскать в ящиках. Но в них нет ничего, что могло бы подсказать, почему мы такие, ничего необычного. Я исподтишка наблюдаю за Сайласом. Если это розыгрыш, то он очень хороший актер. «Может, это эксперимент?» – думаю я. Может, я часть каких-то психологических государственных опытов и проснусь в лаборатории? Сайлас тоже за мной наблюдает. Я вижу, как он проходится по мне взглядом, размышляя... оценивая. Мы почти не разговариваем. Одни «Посмотри сюда» да «Думаешь, это важно?».

Мы незнакомцы и не особо можем поддержать беседу.

В последнюю очередь мы заходим в комнату Сайласа. Он сжимает мою руку, но я не возражаю, поскольку вновь чувствую головокружение. Первым делом отмечаю нашу фотографию на столе. На мне – короткая пачка с леопардовым принтом и черные ангельские крылья, элегантно расправленные за спиной. На глазах густые блестящие накладные ресницы. Сайлас одет во все белое и тоже с крыльями. Выглядит неплохо. Добро против зла. Может, мы увлекались ролевыми играми? Он смотрит на меня и поднимает брови.

– Неудачный выбор костюмчика, – я пожимаю плечами. Сайлас улыбается, и мы направляемся в другую часть комнаты.

Я поднимаю взгляд на стену, где в рамках висят фотографии людей: привалившийся к стене бездомный мужчина, укутанный в одеяло; женщина, сидящая на скамейке и рыдающая в ладони. Цыганка, сжимающая собственное горло, глядя в объектив пустыми глазами. Фотографии мрачные. Они вызывают желание отвернуться, устыдиться. Не понимаю, зачем кому-то снимать такие грустные картины, да еще и вешать их на стены, чтобы ежедневно смотреть на них.

Затем я поворачиваюсь и вижу дорогую камеру на столе. Та занимает почетное место на стопке лакированных альбомов. Оглядываюсь на Сайласа, тоже разглядывающего фотографии. Художник. Это его работы? Он пытается их узнать? Спрашивать бессмысленно. Я двигаюсь дальше, смотрю на одежду, заглядываю в ящики дорогого стола из красного дерева.

Я так устала. Только собираюсь сесть в кресло, как Сайлас живо подзывает меня к себе:

– Посмотри сюда.

Я медленно встаю и подхожу к нему. Он смотрит на незаправленную кровать. Он выглядит возбужденным... шокированным. Я прослеживаю за его взглядом и смотрю на простыни. Моя кровь стынет в жилах.

– О господи!

4. Сайлас

Я откидываю одеяло, чтобы лучше рассмотреть бардак у подножья кровати. К простыне прилипли засохшие комки грязи. Они отпадают и откатываются в сторону, когда я натягиваю ткань.

– Это... – Чарли замолкает и забирает одеяло у меня из рук, чтобы внимательнее посмотреть на простыню. – Это кровь?!

Мой взгляд падает к изголовью кровати. Рядом с подушкой размазанный отпечаток руки. Тут же смотрю на свои ладони.

Ничего. Ни следа крови и грязи.

Я присаживаюсь у кровати и прижимаю ладонь к отпечатку на матрасе. Подходит идеально. Или неидеально, в зависимости от того, как на него посмотреть. Оглядываюсь на Чарли, но она отводит глаза, будто не хочет знать, мне ли он принадлежит. Тот факт, что он мой, только добавляет вопросы в нашу корзинку. На данный момент их так много, что кажется, словно их кучка вскоре рассыпется и закопает нас под чем угодно, кроме ответов.

– Наверное, это моя кровь, – говорю я ей. Или себе. Пытаюсь отмахнуться от мыслей, наверняка формирующихся в ее голове. – Я мог где-то упасть прошлой ночью.

Впечатление, будто я ищу оправдания другому человеку. Другу, например. Этому Сайласу. Кому-то, кто определенно не я.

– Где ты был вчера?

Это риторический вопрос, просто мысли вслух. Я беру простыню с одеялом и расправляю их на кровати, чтобы спрятать грязь. Улики. Подсказки. Что бы это ни было, я просто хочу их скрыть.

– Что это значит? – спрашивает Чарли, поворачиваясь ко мне лицом. В ее руке лист бумаги. Я подхожу ближе и забираю его из рук девушки. Похоже, лист часто складывали, в центре начала образовываться небольшая дырочка. На нем написано: «Никогда не останавливайся. Никогда не забывай».

Я роняю лист на стол, желая от него избавиться. Он тоже кажется уликой. Не хочу к нему прикасаться.

– Понятия не имею.

Мне нужна вода. Только ее вкус я и помню. Может, потому что она безвкусна.

– Это ты написал? – требовательно интересуется Чарли.

– Откуда я могу знать? – Мне не нравится собственный тон. Раздраженный. Не хочу, чтобы она думала, будто раздражает меня.

Чарли поворачивается и медленно подходит к своему рюкзаку. Копаются внутри и достает ручку, затем возвращается и сует ее мне в руки:

– Скопируй надпись.

А она любит командовать. Я смотрю на ручку, перекатывая ее между пальцами. Провожу по рельефным буквам, напечатанным сбоку.

ФИНАНСОВАЯ КОМПАНИЯ

ВИНВУД-НЭШ

– Посмотрим, твой ли это почерк, – говорит она. Переворачивает листок чистой стороной и подталкивает ко мне. Я смотрю ей в глаза и тону в них. Затем злюсь на себя.

Ну почему ей такие умные мысли приходят первой?! Беру ручку в правую руку. Как-то неудобно. Меняю на левую – идеально. Я левша.

Пишу слова по памяти и снова переворачиваю листок, дав Чарли присмотреться к почерку.

Он другой. Мои буквы острые и узкие. На листке – широкие и неаккуратные. Она берет ручку и переписывает слова.

Прямое попадание! Мы оба молча смотрим на бумагу, не зная, значит ли это что-нибудь. Возможно, ничего. Возможно, все. Как и грязь на моей простыне. Как и кровавый отпечаток на матрасе. Как и факт, что мы помним банальные вещи, но не людей. Моя одежда, цвет ее лака, фото на стене, часы над дверью, полупустой стакан воды и камера на столе. Я поворачиваюсь, поглощая взглядом предметы. Все они могут что-то значить.

Или абсолютно ничего.

Не знаю, какую информацию мне стоит отсеивать, а какую запоминать. Может, если я засну, то завтра проснусь совершенно нормальным человеком?

– Я проголодалась, – говорит Чарли.

Она наблюдает за мной; волосы закрывают мне полный обзор на ее лицо. Она до неприличия красива. Не уверен, что должен оценивать ее по таким параметрам. Все в ней пленит, как последствия бури. Люди не должны наслаждаться разрушениями, на которые способна Матушка-природа, но мы все равно не можем отвести глаз. Чарли – разруха, появившаяся в результате торнадо.

Откуда я это знаю?

У нее расчетливый взгляд. Я хочу схватить камеру и запечатлеть его. Что-то крутится у меня в животе, как ленточный клубок, и я не уверен: это от голода,

нервов или от стоящей передо мной девушки?

– Пошли вниз, – говорю я. Затем тянусь за рюкзаком и отдаю его ей. С комода беру камеру. – Поедим, пока будем рассматривать наши пожитки.

Она проходит вперед, замирая у каждой фотографии между моей комнатой и лестницей. По пути проводит пальцами по моему лицу на каждом портрете. Только зря время теряет. Кто бы ни был на этих фото, это не я.

Вскоре мы доходим до последней ступеньки, и наши барабанные перепонки чуть не лопаются от громкого крика. Чарли резко замирает, и я врезаюсь ей в спину. Крик издала женщина, стоящая в проходе на кухню.

Ее глаза округлены, она переводит взгляд с меня на Чарли. Рукой хватается за сердце и вздыхает с облегчением.

Ее не было на фотографиях. Полненькая пожилая женщина лет шестидесяти. На ней фартук с надписью: «Я готовлю шедевры на закуску».

Ее волосы убраны назад, но она сдувает выскользнувшие седые пряди, вздыхая и пытаясь успокоиться.

– Господи, Сайлас! Ты напугал меня до полусмерти! – Женщина поворачивается и идет на кухню. – Вам двоим лучше бы вернуться в школу, пока твой папа не узнал. Я тебя покрывать не стану!

Чарли все еще не двигается с места, поэтому я опускаю руку ей на поясницу и подталкиваю вперед. Она оглядывается через плечо:

– Ты знаешь...

Я качаю головой, перебивая ее вопрос. Она хотела спросить, знаю ли я эту женщину. Ответ: нет. Она мне незнакома, Чарли мне незнакома, семья с портретов мне незнакома.

Но в руках у меня вполне знакомый фотоаппарат. Я опускаю на него взгляд, гадая, как я могу помнить функции камеры, но не как их учил. Я знаю, как

выставлять светочувствительность, выдержку, чтобы придать водопаду вид гладкого ручейка или сделать акцент на каждой капле воды. Эта камера может сфокусироваться на мельчайших деталях, как изгиб руки Чарли или ее ресницы, пока все остальное будет размытым. Каким-то образом я знаю особенности этой камеры лучше, чем голос родного младшего брата.

Надеваю ремешок на шею и опускаю камеру себе на грудь, следуя за Чарли на кухню. Она шагает очень целенаправленно. Я пришел к выводу, что у всего, что она делает, есть своя цель. Она не тратит времени попусту. Каждый ее шаг спланирован заранее. Каждое слово тщательно продумано. На что бы ни был направлен ее взгляд, она сосредоточивается на этом всеми силами, будто одними глазами может определить вкус, запах, звучание и текстуру предмета. А смотрит она на них только в том случае, если на то есть повод. Забудьте про пол, занавески, фотографии в коридоре, на которых меня нет. Чарли не обращает внимания на вещи, которые для нее бесполезны.

Именно поэтому я иду за ней, когда она направляется на кухню. Не знаю, правда, какова ее цель на сей раз... Либо вытрясти информацию из домохозяйки, либо поесть.

Чарли садится за огромный стол, отодвигает соседний стул и хлопает по нему, не глядя на меня. Я сажусь и ставлю перед собой фотоаппарат. Она кладет рюкзачок на столешницу и начинает открывать его.

– Эзра, я умираю с голоду. У вас есть что-нибудь из еды?

Я полностью поворачиваюсь к ней, но кажется, будто мой желудок вывалился куда-то на пол. Откуда она знает ее имя?

Чарли быстро качает головой.

– Расслабься, – шипит она. – Оно написано прямо здесь. – Чарли указывает на записку – список покупок, – лежащую перед нами. Это именно розовый блокнот с котятками внизу страницы. Вверху же написано: «Вещи, которые Эзре нужны прямо сеймьяус».

Женщина закрывает ящик и поворачивается к Чарли:

– Что, аппетит нагнали, пока были наверху? Если вы не в курсе, в школе тоже подают обед, на котором вы должны присутствовать прямо сейчас.

– В смысле, сеймяус? – говорю я, не подумав. Чарли раздражается смехом, и я следую ее примеру. Такое впечатление, будто кто-то наконец впустил воздух в комнату. Эзре шутка приходится не по вкусу, и она закатывает глаза. Интересно, был ли я веселым раньше? Я тоже улыбаюсь, потому что тот факт, что женщина не удивилась обращению к себе по имени, означает правоту Чарли.

Провожу рукой по затылку девушки. Она вздрагивает при касании, но тут же расслабляется, поняв, что это всего лишь часть игры. Мы влюблены, Чарли. Помнишь?

– Чарли плохо себя чувствовала. Я привез ее подремать, но она сегодня ничего не ела. – Улыбаюсь Эзре: – У тебя есть что-нибудь, чтобы моей девочке стало лучше? Суп или крекеры?

Выражение ее лица смягчается при проявлении знаков внимания. Эзра берет полотенце и закидывает себе на плечо.

– Вот что я тебе скажу, Чар. Как насчет моего фирменного сыра на гриле? Ты любила его раньше, когда приходила к нам в гости.

Мои руки замирают на ее шее. Раньше, когда приходила в гости? Мы переглядываемся, новые вопросы затуманивают наши глаза. Чарли кивает:

– Спасибо, Эзра.

Та закрывает холодильник бедром и начинает выкладывать продукты на столешнице. Масло. Майонез. Хлеб. Сыр. Еще сыр. Пармезан. Она ставит сковородку на плиту и зажигает конфорку.

– Тебе тоже приготовлю, Сайлас. Наверное, ты перенял что-то от Чарли, поскольку мы не готовили вместе с тех пор, как ты вырос. – Она хмыкает после своего комментария.

– Это почему?

Чарли пинает меня по ноге и прищуривается. Не стоило спрашивать.

Эзра отрезает кусочек масла ножом и размазывает его по хлебу.

– О, ну, знаешь. – Женщина пожимает плечами. – Мальчики взрослеют. Становятся мужчинами. Горничные перестают быть «тетей Эзрой» и возвращаются к привычной должности. – У нее грустный голос.

Я кривлюсь, мне не нравится узнавать себя с такой стороны. И я не хочу, чтобы Чарли узнавала меня с такой стороны.

Мой взгляд падает на камеру. Включаю ее. Чарли начинает рыться в рюкзаке, изучая предмет за предметом.

– Ой-ой.

Она держит телефон. Я заглядываю ей за плечо и смотрю на экран, пока она включает звук. У нее семь пропущенных звонков и еще больше сообщений, все от «мамы».

Она открывает последнее, пришедшее три минуты назад:

«У тебя три минуты, чтобы мне перезвонить».

* * *

Как-то я не задумывался о последствиях нашего побега из школы. Последствий от родителей, которых мы даже не помним.

– Нам пора, – говорю я.

Мы одновременно встаем. Чарли закидывает рюкзак на плечо, а я хватаю камеру.

– Подождите, – просит Эзра. – Первый сэндвич почти готов. – Она идет к холодильнику и достает две банки спрайта. – Это поможет от живота. – Вручает

их мне, а затем оборачивает сэндвич салфетками. Чарли уже ждет у выхода. Только я собираюсь уйти, как Эзра сжимает мое запястье. Я поворачиваюсь к ней, и она переводит взгляд с меня на Чарли.

– Я рада, что она вернулась, – тихо говорит женщина. – Я так волновалась, как на вас повлияют отношения ваших отцов! Ты полюбил ее раньше, чем научился ходить!

Я пялюсь на нее, не зная, как расценить полученную информацию.

– Раньше, чем научился ходить?

Она улыбается, будто знает мой секрет. Я хочу его обратно.

– Сайлас! – зовет Чарли.

Я быстро улыбаюсь Эзре и иду к девушке. Стоит дойти до двери, как нас пугает пронзительный звонок, и телефон падает из рук на пол. Чарли наклоняется за ним.

– Это она! Что делать?

Я открываю дверь и спешно вывожу ее за локоть, затем поворачиваю лицом к себе. Доносится уже третий гудок.

– Тебе стоит ответить.

Чарли смотрит на телефон, крепко обхватывая его пальцами. Она не реагирует, потому я провожу пальцем по экрану, чтобы принять звонок. Она морщит носик и прожигает меня взглядом, поднося мобильный к уху:

– Алло?

Мы идем к машине, но я прислушиваюсь к обрывкам фраз, доносящимся из динамика: «Надо думать головой», и «прогуливать школу», и «как ты могла?». Слова продолжают литься потоком, пока мы не садимся в машину и не закрываем двери. Я завожу двигатель, и голос женщины затихает на пару

секунд. Внезапно она начинает голосить через колонки в салоне. Блютуз. Я помню, что такое блютуз.

Ставлю наши напитки и сэндвич на центральную панель и выезжаю со двора. Чарли до сих пор не удалось ответить матери, и она закатывает глаза.

– Мама, – сухо говорит она в попытке перебить ее. – Мам, я уже еду домой. Сайлас отвезет меня на машине.

Следует долгая пауза, и почему-то ее мама куда более пугающая, когда не кричит через телефон. Снова заговорив, она растягивает звуки и делает акцент на каждом слове:

– Только не говори, что позволила этой семье купить тебе машину!

Мы переглядываемся, и Чарли чертыхается.

– Я... нет. Нет, в смысле, Сайлас везет меня домой. Буду через пару минут. – Чарли роется в телефоне, пытаюсь вернуться к староватому экрану, чтобы завершить звонок. Я нажимаю нужную кнопку на руле и делаю это за нее.

Она плавно вздыхает, поворачиваясь лицом к окну. На нем появляется маленький запотевший кружок.

– Сайлас! – Чарли вздергивает бровь. – По-моему, моя мама та еще стерва.

Я смеюсь, но обнадеживающих слов не нахожу. Я с ней согласен.

Мы оба молчим с пару миль. Я мысленно повторяю свою короткую беседу с Эзрой. Эта сцена не выходит у меня из головы, а она мне даже не мать. Представить не могу, что сейчас чувствует Чарли после подобного-то разговора. Думаю, в глубине души мы оба надеялись, что, связавшись с близкими родственниками, сможем как-то вернуть нашу память. Судя по ее реакции, она совсем не узнала женщину, с которой говорила по телефону.

– У меня нет машины, – тихо произносит она. Я поворачиваю к ней голову. Чарли рисует крестик на запотевшем окне. – Мне семнадцать. Интересно, почему у

меня нет машины?

Тут-то я вспоминаю, что все еще еду в направлении школы, а не туда, куда нужно.

– Ты случайно не знаешь, где живешь?

Чарли переводит на меня взгляд, и на секунду недоумение на ее лице сменяется пониманием. Поразительно, как быстро я научился вычислять ее эмоции в сравнении с этим утром. Ее глаза как открытая книга, и внезапно мне захотелось прочесть каждую страницу в ней.

Она достает кошелек из рюкзака и зачитывает адрес со своих водительских прав.

– Если остановишься, мы сможем вбить его в навигатор.

Я нажимаю кнопку включения.

– Эти машины производятся в Лондоне. Мне не нужно останавливаться, чтобы вбить адрес. – Я начинаю печатать номер улицы и чувствую на себе пристальный взгляд Чарли. Мне даже не нужно видеть ее глаз, чтобы знать – они полны подозрений.

Я качаю головой прежде, чем она успевает задать вопрос:

– Нет, я не знаю, откуда мне это известно.

Введя адрес, я разворачиваю машину и еду в направлении ее дома. Мы в семи милях от него. Чарли открывает банки газировки и делит сэндвич на половинки, вручая одну мне. Шесть миль проходят в молчании. Я хочу взять ее за руку и успокоить. Хочу сказать что-то обнадеживающее. Случись это вчера, уверен, я так бы и поступил, вне всяких сомнений. Но это случилось сегодня, и теперь мы с Чарли – незнакомцы.

На седьмой миле она говорит:

– Очень вкусный сыр. Передай мои похвалы Эзре.

Я притормаживаю. Еду медленнее позволенной скорости, пока мы не доезжаем до ее улицы, а затем сворачиваю и останавливаю машину. Мы смотрим через боковое окно на каждый дом. Они маленькие. Одноэтажные, с одним гаражом. Любой из них мог бы поместиться в моей кухне, и еще осталось бы место для готовки.

– Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Чарли качает головой:

– Наверное, не стоит. Не похоже, что ты нравишься моей маме.

Ее правда. Хотел бы я знать, что имела в виду ее мама, когда говорила «эта семья». Или что подразумевала Эзра, упомянув наших отцов.

– По-моему, это он, – она указывает на дом в паре метров от нас. Я отпускаю педаль газа и плавно подкатываю к нему. Пока что это самый симпатичный дом на улице, и то только потому, что газон недавно подстригли, а краска на окнах еще не облупилась.

Машина едет все медленнее, пока окончательно не останавливается перед домом. Мы оба смотрим на него, молча обдумывая, насколько разные у нас жизни. Тем не менее наше неминуемое расставание на ночь волнует меня куда больше. Чарли служила прекрасным буфером между мной и реальностью.

– Сделай мне одолжение, – говорю я, паркуясь у тротуара. – Поищи мое имя в списке контактов. Я хочу найти свой телефон.

Она кивает и начинает просматривать имена. Проводит пальцем по экрану и подносит мобильный к уху, пожевывая нижнюю губу, чтобы скрыть улыбку.

Только я собираюсь спросить, чего она так развеселилась, как из панели доносится приглушенная мелодия. Я открываю бардачок и начинаю копаться, пока не нахожу мобильный. Посмотрев на экран, читаю имя контакта: Малышка Чарли

Кінець ознайомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/guver_tarrin/nikogda-nikogda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)